

Доклад Елены Ивановны Литневской, доцента кафедры русского языка МГУ,
**«ПИСЬМЕННЫЕ ФОРМЫ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ
В АСПЕКТЕ ИНТЕГРАЦИИ ПОДХОДОВ СТИЛИСТИКИ, ОРТОЛОГИИ,
КОЛЛОКВИАЛИСТИКИ И СЕМИОТИКИ».**

Предполагается обсудить следующие вопросы:

1. Возможность описания стилистики текста с позиций традиционной грамматики. Жанровый канон (типовой способ описания) как прототипическая единица текста.

На сегодняшний день именно текст является основным объектом лингвистического исследования: с 80-х годов, по мнению Ю.М. Лотмана, понятие текста стало одним из самых употребляемых не только в лингвистике, но и в других гуманитарных науках. Тем не менее сколько-нибудь единообразного определения текста по сей день не существует; исследователи последовательно выделяют различные признаки текста, так и не складывающиеся в единую систему.

Ю.М. Лотман в статье «Текст в тексте» (1981) отмечает, что в соотношении понятий «язык» и «текст» существуют два подхода. При первом подходе «язык предшествует тексту, текст порождается языком», вследствие чего возникает «представление о языке как о замкнутой системе, которая способна порождать бесконечно умножающееся множество текстов» [Лотман 1981б: 3-4]. При втором подходе «текст мыслится как отграниченное, замкнутое в себе конечное образование», поскольку «текст дается коллективу раньше, чем язык, и язык «вычленяется» из текста» [Там же: 4-5]; эта же точка зрения представлена в работах И.И. Ревзина и О.Г. Ревизиной.

Как известно, само понятие «текст» Ю.М. Лотман понимает чрезвычайно широко: «Культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» [Там же: 18].

При определении текста в узком, собственно лингвистическом понимании можно идти в двух направлениях – от его формы и от его содержания.

В традиции определения текста «от формы» наиболее существенным параметром текста становится его связность, а текст рассматривается как замкнутая автономная структура. Так, например, И.Р. Гальперин определяет текст очень строго: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка), и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 1981: 74]. Как мы понимаем, этому определению текста не соответствуют не только устные тексты, но и большое количество текстов письменных.

Однако в лингвистике есть и богатая традиция определения текста как продукта речевой деятельности. Так, А.И. Горшков пишет, что «текст есть феномен употребления» [Горшков 2000: 53]; близкую формулировку использует и В.Г. Костомаров: «Текст – продукт, любой результат любого общения» [Костомаров 2005: 36]. Н.Д. Арутюнова в ЛЭС также связывает понятия речь и текст и употребляет их почти синонимично ([ЛЭС 1990: 14]). Это подход «от содержания», который долгое время был принят почти исключительно в

психолингвистике; в нем на первый план выдвигается такой признак текста, как цельность.

Между первым и вторым подходами есть целый ряд промежуточных. О.Г. Ревзина цитирует, например, такое определение текста, как «предметно-знаковое звено акта речевой коммуникации, представляющее собой сопряженную модель коммуникативных деятельностей участников речевой коммуникации» [Сидоров 2009: 151]. Как мы видим, в этом определении текст является собой не самостоятельную и самоценную сущность, а лишь звено-посредник в акте коммуникации. Такой подход тоже, разумеется, имеет право на существование.

О.Г. Ревзина в конце своей статьи «Текст: ускользающий объект» (2010) пишет: «Наука, как известно, ищет закономерности, и получается, что главная закономерность текста состоит в его единичности. Этой своей характеристики текст не утрачивает никогда и именно от нее не ускользает» [Ревзина 2010: 13].

Текстоцентричность породила во второй половине XX века такое направление, как «стилистика текста», которую многие лингвисты (например, М.Н. Кожина) включают в функциональную стилистику или считают надстройкой над ней. Эта мысль была высказана В.В. Виноградовым еще в 1963 году: «Таким образом, стилистика речи должна включать в себя не только учение о формах и типах речи, о социально-речевых стилях или о типических тенденциях индивидуального речетворчества, но и учение о композиционных системах основных жанров или конструктивных разновидностях общественной речи» [Виноградов 2005: 297].

Таким образом, распространенное разграничение стилистических норм языка и речи базируется во многом на представлении о том, что текст – основной объект функциональной стилистики – является не языковой, а речевой единицей.

Ссылаясь на высказывание Э. Бенвениста о том, что «сегментировать предложение мы можем, мы не можем сделать его интегрантом какой-либо другой единицы более высокого уровня» [Бенвенист 1974: 138], Н.К. Онипенко отмечает, что в описательной (традиционной) лингвистике «языковая система “герметизируется”»: текст рассматривается как поставщик объектов для лингвистики, но сам объектом грамматики не признается» [Онипенко 2010: 69]. Связано это, как представляется Н.К. Онипенко, с тем, что описательная грамматика оперирует понятиями формы и значения, и эти аспекты дают два ряда «эмических» (прототипических) единиц для одного и того же предложения: структурная схема в первом случае и пропозиция во втором. Функциональная же грамматика, представителем которой является Н.К. Онипенко, предлагает ввести при анализе единиц третье измерение – функциональное.

Идея выделения абстрактной языковой единицы, получающей конкретную реализацию в тексте, применяется и М.Н. Кожиной в отношении научного стиля (она называет ее функционально-стилистически-семантической категорией (ФССК) [Очерки истории научного стиля... 1998]), и Е.С. Кара-Мурза в отношении рекламных текстов ([Кара-Мурза, Лейчик 2003], [Кара-Мурза 2007]). Такой подход к тексту кажется нам продуктивным.

О.В. Кукушкина в монографии «Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах» (1998) справедливо отмечает, что «текст – это продукт единого процесса речемыслительной деятельности. Это результат порождения мысли (осмысления) и уточнения и опосредования этой мысли путем подбора пригодных для ее передачи языковых средств. <...> Взаимосвязь между

продуктами языковой и ментальной деятельности можно, как нам представляется, охарактеризовать следующим образом: типовой способ осмысления закрепляется в общественном сознании как типовой способ описания» [Кукушкина 1998: 4-5].

В более общем виде эта мысль выражается достаточно часто; так, например, Л.П. Крысин пишет: «В культурной среде всякого общества вырабатываются определенные формулы, которые обслуживают общение людей в часто повторяющихся, стереотипных ситуациях» [Современный русский язык... 2003: 491].

Вопрос о типовых способах описания смыкается с вопросом о речевых жанрах как объекте не литературоведческого, а лингвистического анализа, который не имеет общепринятого решения. Так, например, М.В. Панов под речевыми жанрами понимает «относительно устойчивые типы сочетания слов разных стилистических групп в пределах одного текста» [Панов 2007: 52], а Л.П. Крысин пишет, что «речевой жанр представляет собой совокупность речевых произведений (текстов или высказываний), обладающую, с одной стороны, специфическими чертами, отличающими данный жанр от остальных, а с другой – определенной общностью, которая обусловлена принадлежностью некоторой группы жанров одному функциональному стилю» [Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация 2003: 45]; таким образом, М.В. Панов в определении жанра идет «от языка», а Л.П. Крысин – «от текста». Иные определения жанра см., напр., в [Арутюнова 1999], [Антонов 1994], [Ивин 1984], [Седов 2004].

Это многообразие понимания термина, однако, не мешает русистам активно пользоваться понятием жанра в своих научных работах, а «рядовым» носителям языка – использовать жанровые каноны на практике.

Одним из наиболее значимых исследований в этой области до сих пор является работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров», написанная в 1952-1953 годах. В ней М.М. Бахтин исходит из следующего положения: «Использование языка осуществляется в форме единичных конкретных высказываний (устных или письменных) участников той или иной области человеческой деятельности. Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой такой области не только своим содержанием (тематическим) и языковым стилем, т.е. отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но прежде всего своим композиционным построением. Все эти три момента – тематическое содержание, стиль и композиционное построение – неразрывно связаны в целом высказывании и одинаково определяются спецификой данной сферы общения. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои **относительно устойчивые типы таких высказываний, которые мы и называем речевыми жанрами**» [Бахтин 2005: 320].

Как мы видим, М.М. Бахтин предлагает в качестве определения жанра типовые способы описания, включающие три основных компонента – определенный тип содержания, выражаемый типизированными с точки зрения «стилистики ресурсов» языковыми средствами и реализующийся в текстах с определенной типовой композицией.

Ст. Гайда, пользуясь другим метаязыком, высказывает сходные соображения: «Обиходное понятие жанра складывается под воздействием группы свойств текстов. Эти признаки – прагматические, семантические и синтаксические (в

семиотическом языке) – своею повторяемостью институализируются, а тексты создаются и воспринимаются через отношение к норме, которую диктует такая институционализация. Итак, жанр функционирует как горизонтальные ожидания для слушающих и модель создания для говорящих» [Гайда 1980: 25].

Таким образом, понятие жанра смыкается с понятием типового способа описания как речевого инварианта и прототипической единицы текста.

Безусловно, выявление и описание прототипических моделей текстов разных стилей и жанров представляются достаточно трудной задачей – в первую очередь потому, что, как справедливо отмечает О.Г. Ревзина, главная закономерность текста состоит в его единичности» [Ревзина 2010: 13]: каждый текст, и не только художественный, уникален и тем самым неповторим. Однако так же неповторимо каждое предложение, поскольку оно не воспроизводимо, а производимо в речи, однако ни традиционная, ни функциональная грамматика не отказывается от поисков прототипических абстрактных единиц, реализацией которых в речи является конкретное предложение.

Как представляется, инвариантной абстрактной («эмической») языковой единицей становятся **жанровые каноны**, а речевой их реализацией – конкретные тексты, создаваемые с учетом идиостиля адресанта.

В пределах жанровых канонов объединяются представления говорящих и слушающих о всех типах норм – от норм произношения / написания через нормы словоупотребления и сочетания (с учетом соотносительности этих средств с определенной тематикой и коммуникативной ситуацией) вплоть до типовой композиции. Иными словами, понятие жанрового канона позволяет интегрировать все три измерения текста – формальное, семантическое и функциональное, причем использование этого понятия позволяет анализировать речь-текст как в ономасиологическом аспекте (жанровый канон как модель и образец для создания собственного высказывания), так и в семасиологическом аспекте (представление о жанровых канонах как основа для восприятия текста и его оценки адресатом).

Аналогичные мысли были высказаны и развиты в рамках системно-функциональной грамматики М.А.К. Холлидэя (M.A.K. Halliday) и его последователей (см. об этом подробно в статье М.Ю. Сидоровой «Текст в пространстве функциональных грамматик» [Сидорова 2010]). М.А.К. Холлидэй еще в 60-е годы XX века ввел в научный обиход понятие языкового регистра как инструмента классификации текстов; регистр описывает выбор языковых средств в зависимости от темы, ситуации общения, степени ее формальности и т.д.: «Register, or context of situation as it is formally termed, is the set of meanings, the configuration of semantic patterns, that are typically drawn upon under the specific conditions, along with the words and structures that are used in the realization of these meanings» [Halliday 1978: 23]. Выбор регистра, по Холлидэю, определяется тремя коммуникативными параметрами: 1) коммуникативное событие, включая тему (field), 2) статус и роли коммуникантов (tenor), 3) способ коммуникации, включая канал ее осуществления (mode): «It is concerned with the variables of field, tenor, and mode, and is a useful abstraction which relates variations of language use to variations of social context» [Zequan 2003].

В русистике подобная прототипическая текстовая единица в явном виде не выделялась, хотя, собственно говоря, само выделение функциональных стилей и жанров – не что иное, как поиск инвариантных форм для выражения определенного содержания в определенных коммуникативных условиях. Однако

термин «жанр» нам представляется метаязыковым, поэтому для описания текстовых шаблонов (типовых способов описания) мы выбрали термин «жанровый канон».

Выбор адресантом определенного жанрового канона предопределяется определенными факторами (позицией). Позиция для единиц каждого языкового уровня описывается через единицы более высокого уровня. Так, существенным для выбора одного из звукотипов при реализации фонемы является положение в морфеме и слове, для выбора определенной словоформы с определенным значением – позиция в предложении с учетом грамматических и синтаксических валентностей определяющего слова и общего контекста.

Представляется, что и текст может быть описан через параметры более высокого по сравнению с ним уровня – дискурса.

При создании любого конкретного текста определяющими являются такие дискурсивные параметры, как фактор адресата и фактор ситуации, которые в свою очередь раскладываются на несколько составляющих (число составляющих может быть увеличено, но нам представляется необходимым выявить минимальное их количество, определяющее характер создаваемого текста; в некоторых случаях отдельные составляющие могут быть нейтрализованы). Назовем эти параметры **детерминантами** (Е.А. Земская использует этот термин для описания коммуникативных параметров РР).

В **факторе адресата** обнаруживаются два детерминанта: 1) общность апперцепционной базы адресанта и адресата, 2) отношения между коммуникантами. **Фактор ситуации** включает, как нам кажется, три детерминанта: 1) подготовленность / спонтанность, 2) официальность / неофициальность ситуации, 3) устная / письменная форма коммуникации, 4) монологичность / диалогичность речи.

Определенные сочетания детерминантов выступают как позиция для выбора определенного жанрового канона. Мена каждого из указанных факторов (позиций) вызывает изменения в тексте, а также различные комбинации этих изменений.

Некоторые комбинации факторов выступают как типичные для социума, и в этом случае в общественном языковом сознании формируются типовые способы описания (жанровые каноны) для выражения определенного содержания с определенной целью.

Приведем пример использования понятия детерминантов в научных текстах для описания условий выбора различных жанровых канонов.

Так, **научный доклад** и **научная статья** различаются устной / письменной формой реализации текста при общности содержания (предметом речи является отдельный фрагмент исследования данной науки), общности намерения (сообщение) и совпадении остальных детерминантов:

- общность апперцепционной базы адресата и адресанта,
- формальные отношения адресата и адресанта,
- подготовленность,
- официальность ситуации,
- монологичность речи.

Мена детерминанта монологичности на диалогичность вызывает обращение к такому жанровому канону, как **научная дискуссия**.

Мена детерминанта официальности на неофициальность ситуации вызовет обращение к жанру **научной беседы**.

Мена детерминанта общности апперцепционной базы на ее частичное отсутствие приведет к использованию жанрового канона **учебной лекции**, а при полном ее отсутствии – **публичной лекции**.

Неподготовленность текста скажется на его композиции (в общественном языковом сознании этой ситуации не соответствует никакой жанровый канон).

Неформальные отношения между адресантом и адресатом (всеми адресатами) приведут скорее всего к нарушению монологичности и выльются в беседу или спор, не имеющие определенного жанрового канона.

Если объем содержания увеличивается, то в аналогичной ситуации используется жанровый канон монографии; в устной же форме эта коммуникативная задача не реализуется одноэтапно, но может, например, выступить в виде цикла лекций или серии докладов.

Монологичность диссертации противопоставлена диалогичности ее защиты и т.д.

Конкретной реализацией жанровых канонов являются тексты во всей их индивидуальности.

Отклонения в конкретном тексте от жанровых канонов квалифицируются адресатом или как речевая ошибка, или как результат языковой игры, или как идиостиль конкретного носителя языка.

2. Нейтральный стиль как стилевой инвариант и как самостоятельная функциональная разновидность языка.

Выделение нейтрала как основы (инварианта) любого функционального стиля принято еще со времен знаменитой дискуссии середины 50-х годов и опирается на триаду, принятую для стилистической характеристики лексических значений слов «высокое» / «нейтральное» / «сниженное». Для описания инварианта (общей основы) функциональных стилей используются понятия «общелитературная основа», «общелитературный эквивалент», «общелитературные средства» или просто «нейтральный стиль» («нейтрал»). Статус нейтрала как стилевого инварианта и тем самым как основы любого функционального стиля представляется в русистике очевидным.

Предположим, что нейтрал можно рассматривать не только как стилевой инвариант, но и как самостоятельный функциональный стиль с особым статусом.

Практически любое содержание может быть передано нейтральными языковыми средствами с минимальными стилистически маркированными включениями или даже без них. Так, например, в монографии А.И. Комаровой «Функциональная стилистика: научная речь» (2004) есть целая глава «Стилистически нейтральные научные тексты» [Комарова 2004: 111-135].

Е.А. Земская в главе «Литературный разговорный язык» монографии «Язык как деятельность» (2004) постулирует необходимость изучения разговорного языка «на фоне целостного коммуникативного акта, формируемого несколькими (не только вербальными!) семиотическими системами» [Земская 2004: 292]. Представляется очевидным, что этот подход необходимо распространить на описание любого функционального стиля, и в этом случае большое значение приобретает анализ общей коммуникативной ситуации как важного параметра реализации того или иного функционального стиля, в том числе личностных и социальных особенностей партнеров коммуникации.

Выбор любого функционального стиля определяется не только темой и намерением адресанта, но и подготовленностью адресата к восприятию информации и к поддержанию диалога именно в рамках определенного канона данного стиля.

В русской коммуникации существуют целые тематические циклы и речевые жанры, единственной стилистической реализацией которых является нейтрал. Так, широкой неспециальной аудитории предназначены новостные передачи, «передовицы» которых также оформлены в нейтральном стиле. Нейтралом реализуются и разнообразные публичные выступления и отчеты перед неспециализированной широкой аудиторией.

Нейтральный стиль является естественной реализацией и большинства отрывков художественной литературы. Так, авторское повествование в литературе для детей и подростков создается исключительно в нейтральном стиле в силу, с одной стороны, преимущественно обиходной тематики произведений, а с другой – сознательной установки на нормированный нейтральный стиль как более высокую по сравнению с разговорной речью ступень владения коммуникативными нормами.

Нейтральный стиль может быть абсолютной стилевой доминантой идиостилей определенных писателей. Так, М.В. Панов отмечает, что преимущественно нейтральным стилем оформлена речь автора в прозаических произведениях М. Пришвина, А. Толстого, Ю. Олеши, В. Катаева, А. Фадеева, К. Паустовского, К. Федина [Панов 2007: 45]. Более того, нейтрал стал не только доминантным, но и единственным стилем в авторском повествовании современной взрослой массовой художественной литературы.

Нейтральный стиль должен быть избран и при общении с конкретным персонифицированным адресатом на самые общие, в том числе бытовые темы, если адресант не находится с адресатом в неофициальных отношениях или же если общение с адресатом – близким человеком происходит в официальной ситуации.

Несмотря на традиционное невыделение нейтрального стиля как отдельной функциональной сущности, в неявном виде о самостоятельном статусе нейтрала говорят и обыденные представления непрофессионалов, и фрагменты из работ профессиональных лингвистов. Так, поисковая система Яндекс при запросах «нейтральный стиль», «нейтральный стиль речи», «нейтральный стиль языка» дает около 3 миллионов ссылок. (Справедливости ради надо сказать, что запросы «научный стиль», «научная речь», «научный стиль речи», «научный стиль языка» дают почти 30 миллионов ссылок.)

Понятие нейтрального стиля речи можно найти и в работах лингвистов. Так, в статье М.В. Панова «О развитии русского языка в советском обществе (К постановке проблемы)» (1962) мысль о самостоятельном статусе нейтрала выражена так: «Стилистические парадигмы пронизывают все ярусы: лексику, словообразование, словоизменение, синтаксис, фонетику. <...> В каждом ярусе эти отношения темперируются; так, книжные, высокие стили в лексике образуют несколько подгрупп, в разной степени, с большей или меньшей резкостью противопоставленных нейтральному стилю. Эти подгруппы соотносительны с градацией, например, синтаксических стилевых средств и т.д.» [Панов 2004: 49].

В разделе «Стилистика» проекта монографии «Русский язык и советское общество» (1962) М.В. Панов дает более широкое обобщение: «В языке существуют средства, которые показывают, как говорящий оценивает свою речь. Он может подчеркнуть с помощью этих средств или торжественный, или

непритязательный, повседневно-бытовой ее характер. В этих оценках речи отражается отношение к тем ситуациям, в которых протекает речевое общение. Если речевая ситуация признается социально особенно значительной, то используются возможности «высокого» (или строгого) стиля. Если ситуация признается повседневной, обычной, в социальном отношении не выделенной, то используется разговорный стиль. Наконец, отсутствие оценки речевой ситуации вызывает использование нейтрального стиля. Таким образом, нейтральный стиль – это немаркированный член противопоставления» [Панов 2004: 176].

Значимость учета характера адресата при выборе коммуникативных средств подчеркивал Ю.М. Лотман в статье «Текст и структура аудитории»: «...Можно выделить два типа речевой деятельности. Одна обращена к абстрактному адресату, объем памяти которого реконструируется передающим сообщением как свойственный любому носителю данного языка. Другая обращена к конкретному собеседнику, которого говорящий видит, с которым пишущий лично знаком и объем индивидуальной памяти которого адресату прекрасно известен» [Лотман 2010: 333].

Используя алгоритм характеристики функционального стиля, принятый в [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010], можно дать следующее описание нейтрала как самостоятельной функциональной разновидности:

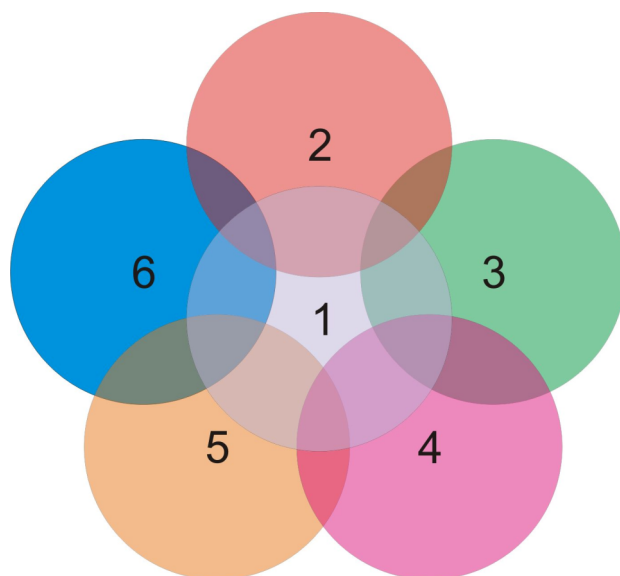
- сфера общения и речевой деятельности: любая, но в первую очередь учитывающая отсутствия у адресанта и адресата общей специализированной апперцепционной базы или информации о ее наличии (что обычно бывает в разнородном коллективе или в общении вне профессиональной или малой социальной группы);

- общие специфические черты стиля, его коммуникативно-познавательные особенности: логичность и связность текста на любую тему, последовательное неэллиптическое изложение (которое может отсутствовать в определенных конситуациях), реализация как в устной, так и в письменной форме,

- комплекс языковых средств разных уровней, обусловленный внеязыковыми факторами: использование стилистически нейтральных языковых средств всех уровней,

- структура и композиция текстов данного функционального стиля: отсутствие специфических композиционных рамок, принятых как типовые в других функциональных стилях;

- жанровая стратификация стиля: предназначенные для широкой нецелевой аудитории тексты разных жанров (например, отчет, тематическое сообщение), а также жанры РР, примененные в официальной или полуофициальной ситуации или к адресату, не относящемуся к той же малой социальной группе, что и адресант.

Зона 1 условно обозначает нейтральный стиль, который, с одной стороны, выступает как инвариант для других функциональных стилей (секторы пересечения со стилями 2, 3, 4, 5, 6), а с другой стороны, способен выступать «без примесей» для обслуживания определенных коммуникативных ситуаций (центральная зона).

Зоны 2, 3, 4, 5 и 6 обозначают художественный, разговорный, научный, официально-деловой и публицистический стили.

Необходимо отметить, что предложенная схема весьма условна, поскольку зоны пересечения имеют не только «соседние» стили, но и все стили вообще (например, научный стиль способен взаимодействовать и с разговорным, и с публицистическим, и даже с художественным и т.д.).

3. Кодификация описательная и предписательная. Проблемы школьного изучения стилистики.

Вопрос о средствах кодификации решается в лингвистике далеко не однозначно.

В «Культуре русской речи» под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева отмечается, что «кодифицированные нормы литературного языка – это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая **грамматика** современного русского литературного языка, любой его **словарь** есть не что иное, как его кодифицирование» [Культура русской речи 2001: 13].

Однако М.В. Панов подходит к описанию средств кодификации иначе: «Нормы литературного языка – предмет сознательной заботы говорящих. Литературному языку учат в **школе**, заставляя детей сознательно относиться к своей речи; литературный язык имеет свою письменность, а письменные нормы – предмет постоянного внимания всех пишущих и всех читающих. Есть **произведения** классические, **образцовые** – они действительно служат образцом безупречного владения языком. Существуют **словари, учебники, справочники**, в которых сказано, как надо говорить и писать. Все это делает литературный язык предметом сознательного культивирования. Он находится в центре общенародной заботы о нем. Имея это в виду, говорят, что литературный язык кодифицирован» [Панов 2004: 91-92].

Как мы видим, М.В. Панов значительно расширяет состав кодифицирующих средств, включая сюда не только составленные лингвистами специальные описания нормы, но и школьные учебники и конкретные тексты как образцы хорошей литературной речи.

Представляется, что для ответа на этот вопрос необходимо в первую очередь ввести и разграничить понятия **кодификации описательной** и кодификации **предписательной**.

Описать с большей или меньшей степенью научности или популярности можно все; это, собственно говоря, и делается в каждом исследовании на научную тему. Описаны и продолжают описываться нормы и литературного языка, и внелитературных его разновидностей; любое из этих исследований может быть прочитано не только лингвистом, но и непрофессиональным филологом – носителем языка; из любого исследования можно сделать вывод не только о том, «как оно есть», но и о том, «как оно должно быть». Однако наши профессиональные изыскания не могут считаться средствами предписательной кодификации: они содержат специальную терминологию и рассчитаны на читательскую аудиторию, обладающую определенными специальными фоновыми знаниями.

Представляется, что именно описательный характер имеет не только специальная научная лингвистическая литература, но и грамматики русского языка и абсолютное большинство словарей.

Не следует преуменьшать интерес «рядовых» носителей языка к проблемам того, «как надо говорить и писать»: специальные справочные консультационные службы русского языка никогда не остаются без посетителей. Так, Е.Я. Шмелева в статье «Слушатели передач о русском языке: попытка социолингвистического портрета» (2007) пишет, что за четыре года она получила несколько тысяч писем и что пишут ей мужчины и женщины, рабочие, пенсионеры и учащиеся, люди молодые и старые, из городов и деревень, причем проведенная ею статистика показывает достаточно ровные показатели по всем этим категориям [Шмелева 2007: 624].

Однако не следует и преувеличивать востребованность как устной, так и письменной консультационной помощи лингвистов среди населения. Если задать неспециалисту вопрос, есть ли у него дома какая-нибудь академическая грамматика русского языка и читает ли он ее в случае необходимости, ответ окажется в 99 процентах из 100 отрицательным. Более того, отмена обязательного института редакторов и корректоров привела в последние 20 лет к устрашающей безграмотности (от орфографической до стилевой) большого количества и публицистических, и художественных текстов. Это отмечается в таком количестве работ, что не нуждается в подтверждении. Среди обывателей и даже среди некоторых лингвистов эта тенденция получила название «порчи языка».

Аналогично и со словарями и справочниками. Основной их потребитель – лингвист-профессионал; среди неспециалистов по необходимости к этим изданиям обращаются преимущественно и почти исключительно учащиеся.

Таким образом, можно утверждать, что статус универсального кодификационно предписывающего средства выполняет только школьный учебник – и только в связи с тем, что в нашей стране существует всеобщее 9-летнее образование. Много лет занимаясь методикой преподавания русского языка в школе и имея 11-летний опыт школьного преподавания, не могу не поделиться

некоторыми своими соображениями по поводу школьного преподавания русского языка (подробнее об этом сказано в [Литневская, Багрянцева 2006]).

Во-первых, так называемая «школьная грамматика», которую так часто противопоставляют «научной грамматике», – не что иное, как научная грамматика середины – второй половины XX века, поэтому это в первую очередь грамматика языка, а не речи, т.е. поуровневое описание системы и норм литературного языка. Более того, объектом кодификации в школьном учебнике является язык не во всех своих функциональных разновидностях, а только нейтральный стиль языка. Те тексты, которые в школьном курсе рассматриваются как «идеальные», – это тексты нейтрального стиля.

Это очевидное для меня положение подтверждает и Е.Я. Шмелева в своей статье, упомянутой нами ранее: «При всей разнородности аудитории [радиопрограммы «Грамотей»] язык писем характеризуется наличием большого числа общих черт. Письма, несмотря на возрастные и социальные различия их авторов, написаны правильным русским литературным языком, стилем, которым в школе учат писать сочинения и другие письменные работы <...> 95% слов относится к нейтральной лексике, просторечие или диалектные слова проскальзывают в письмах только в тех случаях, когда автор вдруг что-то вспоминает, увлекается и перестает себя контролировать. <...> Синтаксис писем также очень похож на синтаксис школьных сочинений» [Шмелева 2007: 624-626]. Е.Я. Шмелева отмечает и высокий пуризм «рядовых» носителей литературного языка: «Еще одной чертой, отличающей письма слушателей от материалов современной прессы, является практически полное отсутствие языковой игры <...> Случаи использования прецедентных текстов (и то, конечно, не из анекдотов или текста рекламы, а из классической литературы) можно пересчитать по пальцам» [Там же: 626].

Таким образом, основной вектор школьного обучения русскому языку – движение от РР к нейтралу.

Е.Я. Шмелева также отмечает, что «у слушателей (особенно старшего возраста) есть чувство, что вероятность ошибок в их письмах все равно очень велика, многие письма заканчиваются извинениями: *извините за ошибки, в школе учился давно, многое позабыл...*» [Шмелева 2007: 627].

Отчего у носителя языка, склонного к рефлексии над языком (а только такие носители смотрят и слушают подобные передачи), может возникать страх ошибки, сильная неуверенность в своей языковой и речевой компетентности? Представляется, что это связано, во-первых, с интуитивным пониманием ими различий между нейтралом и используемой в повседневной жизни РР или используемым в профессиональной сфере иным функциональным стилем. Во-вторых, такая неуверенность связана с достаточно стереотипным представлением о невариативности норм литературного языка: недаром и люди, пользующиеся услугами справочных служб русского языка, и большинство учащихся с недоверием встречают профессиональный лингвистический комментарий о вариативности тех или иных норм и чаще всего продолжают допытываться, как все-таки «надо» и «правильно». О степени подобного пуризма мне не понаслышке известно из опыта школьного и даже университетского преподавания русского языка, а о пуризме абонентов справочных служб говорят их консультанты и аналитики (например, И.А. Стернин в своем докладе «Филологическое описание

русского языка и обыденное сознание (по данным «Службы русского языка» и программы «Территория слова» в Воронеже)» [Стернин 2010].

4. Степень кодифицированности функциональных стилей (включая РР).

Кодифицированность общепринята в качестве одного из основополагающих признаков литературного языка – в противоположность внелитературным его разновидностям (диалекту, жаргону, просторечию).

Общим в подходе к РР большинства исследователей является признание РР частью литературного языка. Так, М.В. Панов рассматривает РР как безусловно принадлежащую литературному языку его разновидность: «Часто говорят, что эта раскованная и непринужденная речь находится за пределами литературного языка. На самом деле она разновидность последнего» [Панов 2007: 49-50].

Однако соотношение РР и КЛЯ видится разным авторам по-разному.

Л.П. Крысин отмечает, что «разговорная разновидность литературного языка достаточно давно в науке о русском языке отграничивалась от книжной. <...> Тем самым кодифицированность / некодифицированность – еще один, причем весьма существенный, признак, различающий книжную и разговорную разновидности литературного языка» [Современный русский язык... 2003: 43].

О.Б. Сиротина с самых ранних своих работ ([Сиротина 1966], [Сиротина 1969], [Сиротина 1974]) считает РР принадлежащей к литературному языку: РР – это «спонтанная устная литературная речь в условиях непринужденного неофициального непосредственного персонального общения» [РР в системе функциональных стилей 2009а: 3]. При этом РР ставится ею в один ряд с другими функциональными стилями и практически отождествляется с разговорным стилем: «РР – устная форма разговорного стиля» [РР в системе функциональных стилей 2009б: 4].

Авторы «Русской разговорной речи» ([РРР 1973]), исходя из принятого ими общего противопоставления РР и КЛЯ, утверждают, что «РР и функциональные стили КЛЯ необходимо разграничивать, а не объединять»; при этом авторы используют понятие нормы в широком понимании и признают безусловную узуальную нормативность РР при кодифицированной нормативности КЛЯ:

О.А. Лаптева также использует широкое понимание нормы – вне официальных средств ее кодификации – и отмечает важное отличие норм РР от норм КЛЯ: «Устно-разговорная литературная норма несравненно динамичнее кодифицированной, стремительнее в своем становлении и изменении. Вместе с тем ее отличительной особенностью является высокая степень облигаторности <...> Здесь быстрее происходят смены, речевые средства легче приобретают нормированный характер и легче исчезают. Это создает условия для возникновения своеобразных «возрастных» нормативных систем, которые могут совмещаться в пределах одной эпохи» [Лаптева 1976: 26].

Иными словами, авторы специальных исследований по РР единодушны в мнении, что РР находится в зоне узуального, а не кодифицированного нормирования, однако из этого ими делаются разные выводы: Е.А. Земская и ее последователи выводят РР за пределы КЛЯ, О.Б. Сиротина рассматривает РР как принадлежащий КЛЯ функциональный стиль, а О.А. Лаптева утверждает, что нормы РР кодифицированы лишь в той своей части, которая является «общелитературной», т.е., по нашей терминологии, совпадает с нейтралом.

Наша точка зрения по данному вопросу смыкается с точкой зрения О.А. Лаптевой и выводит нас на обобщения более универсального характера, касающиеся общих вопросов кодификации языковых средств с точки зрения их стилового статуса.

Как известно, разные языковые уровни обладают разным стилистическим потенциалом («стилистикой ресурсов»).

В наибольшей степени стилистическая дифференциация проявляет себя в **лексике**: все лексические единицы маркированы с точки зрения своего стилового статуса.

Морфемно-словообразовательный уровень в стиловом отношении является вспомогательным: присоединение стилистически окрашенного форманта к стилистически нейтральной основе создает отдельную лексему, которая описывается в словаре как отдельная лексическая единица со своей собственной стиловой пометой. Так, созданная стилистически маркированным суффиксом лексема книжка имеет во всех толковых словарях помету разговорное.

При этом стилистический потенциал словообразования, безусловно, не следует преуменьшать в динамическом, деятельностном аспекте, поскольку в процессе словообразования могут создаваться стилистически маркированные новые слова, в частности авторские неологизмы (этот вопрос полно рассмотрен в монографии Е.А. Земской «Словообразование как деятельность» [Земская 1992]).

Морфологический уровень наименее стилистически дифференцирован, и это его свойство отмечено во всех общих работах по стилистике.

Синтаксис обладает бóльшим стилистическим потенциалом, чем морфология, но для «рядового» носителя языка это положение дел не вполне очевидно.

В **фонетике** понятие стилистического связано с понятием «стили произношения».

В.В. Виноградов в статье, обобщающей результаты дискуссии 1954 года, отмечает, что к стилистике относятся, во-первых, «те синтаксические явления, которые не составляют сердцевины синтаксической структуры языка» [Виноградов 1955: 60], во-вторых, «определение ограниченных сфер употребления некоторых слов, значений, фразеологических оборотов и выражений» [Там же: 64]. При этом «гораздо меньше материала в смысле экспрессивно-стилистических различий предоставляют стилистике современного русского языка морфология и фонетика» [Там же: 65].

На разных уровнях «стилистики ресурсов» различна и стилистическая кодификация языка.

В наибольшей степени кодифицирована лексика: помещение слова в нормирующий толковый словарь неизбежно сопровождается стиловой пометой; отсутствие пометы так же значимо, как и ее наличие, поскольку несет информацию о нейтральном стиловом статусе лексемы, – и в этом смысле все функциональные стили, в том числе и разговорный, кодифицированы в равной степени.

Все остальные уровни языка нормированы в рамках только описательной, но не предписательной кодификации: школьная грамматика включает описание и изучение преимущественно норм нейтрального стиля речи; отсюда и отмеченная Е.Я. Шмелевой общая нейтральность и школярская «правильность» текстов тех писем, которые она получала как ведущий радиопрограммы «Грамотей».

Однако полное описание стиля включает не только «стилистику ресурсов», но и стилистику текста, т.е. описание условий и законов употребления и сочетаемости стилистически маркированных единиц вплоть до описания целой коммуникативной ситуации, с одной стороны, и жанровых канонов каждого функционального стиля – с другой.

С кодификацией такого рода дело обстоит значительно хуже не только в рамках «школьной грамматики» русского языка (в курсе «Развитие речи»), но и в рамках так называемой «научной грамматики». Отдельные типовые способы описания в рамках тех или иных функциональных стилей охарактеризованы достаточно полно, другие описаны поверхностно или не описаны вовсе; важно при этом, что эти описания, строго говоря, вообще не имеют кодифицирующего характера в силу их разрозненности в отдельных научных статьях, монографиях и сборниках. Вместе они сведены, пожалуй, только в вузовских учебниках по стилистике и культуре речи, да и то в самом общем виде.

Осмелимся утверждать, что типовые способы описания самых разных жанров и функциональных стилей вообще имеют только узуальное нормирование – это речевое действие «по образцам».

Это относится в первую очередь к любым жанровым формам стилей, не используемых нами в профессиональной деятельности. Так, в речевом опыте носителя языка не существует единого стандарта в написании текста даже такого актуального для каждого члена общества официально-делового жанра, как заявление: в каждом учреждении посетителю будет выдан свой образец. Ни один носитель языка самостоятельно не справится ни с доверенностью, ни с завещанием, ни с договором: на всё нужен образец, принятый зачастую только в данной конкретной организации.

Не лучше обстоит дело и с научным стилем. Любой преподаватель высшей школы знает, что каждого студента надо персонально учить навыкам составления курсовых и дипломных работ, рефератов и научных отчетов; при объяснении специфики текста каждого из этих жанров, его структуры и композиции, принятой в нем идиоматики и терминологии мы обычно не только рассказываем студенту об этих особенностях, но и даем ему образцы – естественные тексты уже окончивших обучение студентов или искусственно созданные шаблоны.

Более того, невозможно утверждать, что существуют четкие предписания для создания собственно научных текстов. Так, например, организаторы каждой конференции присылают описание и образец оформления тезисов, а для структурирования кандидатских и докторских диссертаций соискатель степени опирается не столько на стандарт ВАК, сколько на другие недавно защищенные диссертационные работы.

Что касается различных жанров публицистического стиля, то и тут следование стилевым образцам (равно как и отступление от них) изучается преимущественно «по прецеденту» (или не изучается вовсе) и при этом оценивается, и весьма строго, адресатом в соответствии с принятыми им за основу типовыми способами описания. Е.Я. Шмелева, анализируя общие черты реакций слушателей передачи «Грамотей», отмечает «непонимание и неприятие языковой игры журналистов» [Шмелева 2007: 626]. Видимо, для большинства населения образец хорошего текста публицистического стиля по-прежнему составляет обезличенная и выверенная нейтрально-возвышенная стилистика репортажей советских времен.

Высказанную нами мысль о лишь частичной кодифицированности литературного языка можно подкрепить и цитатой из статьи Л.П. Крысина: «В кодифицированных подсистемах, и прежде всего в литературном языке, норма объединяет в себе традицию и целенаправленную кодификацию» [Крысин 2006: 83]. Таким образом, Л.П. Крысин признает регулирование литературного языка не только кодифицированными нормами, но и нормами узуальными (традиционными, прецедентными). Представляется, что последние как раз и реализуют себя на текстовом уровне.

Предложенные выше соображения можно суммировать следующим образом. Традиционные и общепринятые представления о кодифицированности литературного языка не вполне соответствуют действительности:

В полном смысле кодифицирован в предписательном аспекте только нейтрал, поскольку именно он является основным объектом изучения в школьном курсе русского языка (и, строго говоря, идеальной целью этого курса).

В рамках «стилистики ресурсов» стилистически маркирована и последовательно кодифицирована только номинативная база каждого функционального стиля (лексика, в том числе терминология, и идиоматика).

В отношении специфических для каждого функционального стиля типовых способов описания все функциональные стили находятся в равном положении: жанровые каноны усваиваются по образцам и по ним же оцениваются адресатом.

5. Вопрос о выделении промежуточной между устной и письменной формы бытования некоторых письменных жанров РР.

В последнее время появились работы, в которых в явном виде утверждается, что необходимо выделить тексты промежуточного между письменным и устным статуса.

Так, А.А. Кибрик в статье «Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов» (2009) пишет: «Один из таких субмодусов в последнее время приобрел экстраординарную роль и иногда рассматривается как особый модус, наравне с устным и письменным. Это электронный модус. Общение по электронной почте представляет особый интерес как феномен, возникший 10-15 лет назад, получивший за это время огромное распространение и представляющий собой нечто среднее между устным и письменным дискурсом [разрядка наша – Е.Л.]. Подобно письменному дискурсу, электронный модус использует графический способ фиксации информации, но подобно устному дискурсу он отличается мимолетностью и неформальностью. Еще более чистым примером соединения особенностей письменного и устного дискурса является общение в режиме Talk (или Chat), при котором собеседники «разговаривают» через компьютер: на одной половине экрана участник диалога пишет свой текст, а на другой половине может видеть побуквенно появляющийся текст своего собеседника. исследование особенностей электронной коммуникации является одной из активных областей современного дискурсивного анализа» [Кибрик 2009: 9].

Ю.В. Чернова в статье «Концепции письменности и устности в чате» (2010) утверждает: «Чат трудно вписать в дихотомию устности-письменности, он объединяет в себе признаки обоих концептов, поэтому мы говорим о гибридной форме коммуникации» [Чернова 2010: 792]. При этом автор исходит из совершенно справедливого соображения, что принципиальным отличием чатов от других письменных форм речи является их принципиальная невоспроизводимость.

Справедливости ради надо сказать, что идея промежуточного статуса некоторых текстов была высказана Б.М. Гаспаровым в статье «Устная речь как семиотический объект» еще в 1978 году: «...Наличие частичных, периферийных пересечений между свойствами устной и письменной речи создает возможность их сближения и образования переходных форм, как особого стилистического приема» [Гаспаров 1978: 94]. Автор не предвидит здесь появление новых каналов коммуникации, а говорит лишь о передаче РР в художественной литературе (особенно в современной ему европейской).

Нашей принципиальной позицией в данном вопросе является безусловный отказ от признания существования формы текста, промежуточной между устной и письменной. Действительно, те признаки текста, которые вызываются устной формой его исполнения (в первую очередь общая его компрессивность и фрагментарность синтаксиса), могут быть имитированы на письме, поскольку коллективное языковое сознание (а зачастую и профессиональное лингвистическое) до сих пор параметр устности не отделяет от параметра разговорности, однако с семиотической точки зрения устность и письменность текста определяются основным каналом его передачи (и, соответственно, материальным носителем текста) – аудиальным или визуальным (в данном случае вербальным).

6. Традиционные и новые письменные жанры и формы РР.

В «Культуре русской речи» под редакцией Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева (2001) сказано, что «к письменной форме разговорной речи можно отнести только записки и другие подобные жанры» [Культура русской речи 2001: 55], а в помещенной в это же издание хрестоматии в разделе «Разговорная речь» в качестве примеров приводятся некоторые письма, записки, поздравления и дневниковые записи. При этом устные и письменные жанры бытования РР авторы представляют в одном ряду; это 1) беседа, 2) разговор, 3) спор, 4) рассказ, 5) история, 6) письмо, 7) записка, 8) дневник [Там же: 83-89].

Даже в вышедшем в 2010 году учебнике М.Н. Кожинной «Стилистика русского языка» в качестве жанров письменной РР упоминаются только записки и частные письма (см. [Кожина, Дускаева, Салимовский 2010: 433]).

Единственный, пожалуй, учебник по стилистике, в котором учтены не только традиционные, но и новые письменные жанры РР, – это «Русский язык и культура речи» М.Ю. Сидоровой и В.С. Савельева (2008). Так, авторы выделяют отдельный параграф «Письменная разговорная речь» и в нем пишут: «Как ни парадоксально, разговорная речь помимо устной обладает еще и письменной формой. Впрочем, это кажется удивительным только на первый взгляд. Дело в том, что многие письменные тексты выполняют те же функции, что и устная разговорная речь. Целью обмена письмами, записками, интернет- и смс-посланиями является непринужденное общение на бытовые темы, носящее спонтанный характер. ту же цель преследуют коммуниканты, общающиеся в рамках компьютерных форумов и чатов. Вполне естественно, что общие задачи приводят к использованию сходных языковых черт» [Сидорова, Савельев 2008: 398].

Среди традиционных «бумажных» жанров письменной РР представляется целесообразным провести границу между спонтанными и неспонтанными текстами.

К спонтанным бумажным письменным текстам РР относятся, пожалуй, только **записки** – и только тогда, когда они действительно написаны в режиме on-line. В этом случае они опираются на конситуацию и имеют высокую формальную и смысловую компрессию. Другие же признаки разговорности (использование разговорной лексики и грамматики) в них могут присутствовать или же не присутствовать; более того, записки, переданные лицу, с которым адресант не находится в неформальных отношениях, будут написаны нейтральным стилем, и единственным признаком разговорности в них будет компрессия, вызванная конситуацией.

Иное дело частные бумажные **неофициальные письма** и **дневниковые записи** как неспонтанные речевые жанры. Степень конситуативности в них может быть значительно ниже, но зато традиция использования маркированных разговорностью средств разных языковых уровней (лексического, словообразовательного, морфологического и синтаксического) достаточно устойчива, поскольку именно эти средства придают тексту неофициальный характер, интимизируют его.

Б.М. Гаспаров отмечает: «В неофициальной переписке, в дневниковых записях и т.д. мы встречаемся с аналогичными элементами деятельности пишущего и читающего: остановки, обдумывание следующей фразы, перечитывание, вставки, исправления и т.п. представлены в этой сфере достаточно широко. Можно сказать, что объем и сложность такого рода работы скорее связана с длиной текста, чем с его функциональной сферой: короткая, в несколько слов деловая записка, заявление и т.п. скорее могут быть написаны (и прочтены) «на одном дыхании», без нарушений временного течения текста, чем длинное частное письмо» [Гаспаров 1978: 73-74].

Безусловно соглашаясь с точкой зрения Б.М. Гаспарова, мы, тем не менее, хотим подчеркнуть, что в случае частного письма или дневниковой записи обращение к разговорным ресурсам языка происходит у людей с высокой речевой компетенцией вполне осознанно.

Письму (эпистолярию) как жанру письменной РР посвящено множество работ; это, например, [Белунова 2000], [Акишина 1982], [Акишина, Формановская 1981] и др.

А.А. Акишина в своей статье «Письмо как один из видов текста» (1982) отмечает, что частное письмо – единственный жанр монологической речи, который имеет личностный характер общения: «Благодаря этому письмо как жанр требует учёта адресантом ответного восприятия адресатом, что является особенностью любого устного диалога <...> по целевой установке оно [письмо] приближается к устной бытовой речи, следовательно, имеет близкую к устной речи композиционную структуру, но, как всякий письменный текст, даёт возможность наблюдать эту структуру» [Акишина 1982: 57-63];

Еще одним традиционным бумажным письменным жанром РР является **дневник**. В диссертационном исследовании Бао Янь, посвященном интернет-дневникам (блогам), приведено сопоставление традиционного бумажного дневника с жанром, получившим название «наивного письма». Дневники приближают нас к наиболее далекой от спонтанности области словесности – художественной литературе.

Между фикциональной художественной литературой и реальным дневником имеется литературно-художественная прослойка – автобиографическая литература;

исследованию общих свойств этого литературного явления, а также новых в этой области произведений посвящена докторская диссертация Т.Г. Кучиной «Поэтика русской прозы конца XX – начала XXI века: Перволичные повествовательные формы» (2008).

Наибольший интерес с точки зрения реализации признаков РР представляет **фикциональная художественная** литература. Представленная в ней РР является имитацией, стилизацией, чаще всего встречается в репликах персонажей или несобственно-прямой речи и выполняет особые эстетические и характерологические функции.

На наш взгляд, наиболее полным лингвистическим исследованием в области использования РР в художественной литературе до сих пор является монография Кветы Кожевниковой «Спонтанная устная речь в эпической прозе (на материале современной русской художественной литературы)» (1971).

Возникновение **новых жанров письменной РР** связано с появлением принципиально новых материальных носителей текста – компьютеров, связанных в глобальные сети, и сотовых телефонов, позволяющих не только созваниваться, но и вести переписку.

Само появление новых материальных носителей текста, с одной стороны, позволило использовать ранее разработанные коды, а с другой – породило возможность и необходимость их изменения и дополнения (или выработки новых кодов).

С точки зрения семиотики, «энергетические затраты на существование самой знаковой системы пропорциональные энергетическому объему передаваемой ею информации. Чем более высоко организована знаковая система, тем меньшую часть общей энергии составляет передаваемая ею информация и тем меньше энергия, необходимая для существования самой знаковой системы» [Степанов 1971]. Иными словами, общепринятой в семиотике является связь характера кода и длины текста.

М.В. Панов в статье «Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка» (1968) выделил присущие самому языку противоположности, определяющие его саморазвитие. В контексте нашего исследования нас интересует антиномия кода и текста: «Если говорящий и слушатель понимают друг друга, то это означает, что у них в памяти существует общий код (набор знаков) и они по общим для них законам сочетают их, создавая текст. Между текстом и кодом существует определенная связь: стоит нам укоротить код (выбросить из него некоторые знаки), как, при прочих равных данных, необходимо будет удлинить текст <...> Стремление упростить, т.е. укоротить, код и стремление укоротить, т.е. упростить, текст – антагонистичны. В истории языков может осуществляться одно из этих устремлений – пока не будет чрезмерно нарушено противоположное стремление; вслед за этим процесс идет обычно в противоположном направлении» [Панов 2007: 18-19]. Вслед за этим М.В. Панов отмечает, что «в эпохи резкой демократизации языка эта антиномия в огромном большинстве случаев разрешается в пользу текста» [Там же: 22].

По поводу последнего утверждения М.В. Панова Л.П. Крысин возражает, что антиномия текста и кода «разрешается в пользу кода (он увеличивается) в асоциально замкнутых коллективах говорящих <...> Напротив, в социально не замкнутых, «текучих» коллективах, где языковые привычки говорящих постоянно испытывают воздействие речевых особенностей других групп, вливающих в

состав носителей данной языковой подсистемы, код сокращается, зато текст испытывает тенденцию к удлинению» [Крысин 2004: 317].

Мы полностью согласны с утверждением Л.П. Крысина: применительно к настоящему времени появление новых носителей текста породило изменение кода в сторону его удлинения (появления новых знаков), и это, как мы покажем в дальнейшем, позволило значительно сократить текст в тех типах дискурса, где используется этот измененный код.

Первые существенные изменения в коде письменной коммуникации породил **Интернет**. Классификацию жанров Рунета можно давать по разным основаниям.

О.В. Дедова в статье «О языке Интернета» (2010) отмечает, что «в настоящий момент речевое поведение коммуникантов в чатах, форумах, блогах, социальных сетях уже в достаточной степени дифференцировано, чтобы говорить об этих программно поддерживаемых формах общения как о состоявшихся коммуникативных жанрах <...> Сейчас уже вполне очевидны принципы классификации жанров межличностного общения в Интернете. При этом обычно учитываются такие параметры, как:

- отсроченность / неотсроченность по времени. Можно выделить жанры синхронные, когда взаимодействие происходит в режиме реального времени (здесь и сейчас) и асинхронные, предполагающие возможности задержки ответа. К первой, наиболее интерактивной группе относятся чаты, ICQ, MUDs (от англ. «multi-user dimension» – ролевая игра), ко второй – интернет-форумы, гостевые книги, электронная почта, блоги;

- ориентация на устные/письменные стилистические нормы. К письменным тяготеют форумы, а чаты, ICQ, напротив, воспроизводят специфику разговорной речи;

- тематика. Существуют юридические, политические, литературные <чаты>, форумы, блогерские сообщества и т.д.

Помимо вышеупомянутых жанров межличностного общения, практически не отмеченных национальной спецификой, Рунет вырабатывает собственные коммуникативные формы. Так, здесь огромной популярностью пользуются коллективные литературные игры, стирающие грань между литературным творчеством, графоманией и письменной межличностной коммуникацией» [Дедова 2010: 35-36].

Понятно, что далеко не все названные выше жанры интернет-коммуникации могут быть признаны письменными жанрами РР; представляется наиболее адекватным отнести к сетевым письменным жанрам РР **чат**, **ICQ** и отчасти **блог**, а для остальных собственно сетевых жанров (не рассматривая жанры, заимствованные из внесетевого бытования) признать их общую стилевую нейтральность с возможными иностилевыми вкраплениями или даже их приближенность к языку художественной литературы (как, например, в интернет-дневниках).

Таким образом, наиболее «разговорным» (и тем самым наиболее для нас показательным) является чат как интернет-жанр коммуникации в режиме on-line. О его особенностях будет сказано в главе IV нашей работы.

Другим новым материальным носителем текста является сотовый телефон с его возможностями письменной смс-коммуникации. И технические, и идеологически коммуникативные возможности этого носителя иные, и в процессе развития традиций его эксплуатации формируется иной коммуникативный код.

К письменным формам РР имеет отношение такое, казалось бы, маргинальное явление, как «язык падонков».

Тексты современной массовой художественной литературы с начала XXI начали активно отражать (имитировать) не только традиционные, но и новые приемы отражения РР.

7. Итоговое интегрированное определение РР и ее признаков

РР определяется нами как функциональная разновидность языка, не привязанная четко к передаче определенного (бытового) содержания, а вызванная в первую очередь прагмативистическими параметрами коммуникативной ситуации: это спонтанная (неподготовленная) речь в контексте неформальной (неофициальной) лично ориентированной коммуникации.

РР может быть представлена как в **устной**, так и в **письменной** форме (устная речь продолжает быть основной формой ее бытования). Многие черты, традиционно приписываемые РР, являются признаками не разговорности, а устности как формы реализации текста и характерны не только для РР, но и для устных жанров других функциональных стилей, а также спонтанности речи.

К признакам **устности** относятся:

- использование многоканальной связи (вербальной + аудиальной + визуальной и др.);
- редукция (вплоть до нуля) и комбинаторные изменения звуков в потоке речи, т.е. аллегривная речь;
- наличие «сорняков» – заполнителей пауз;
- интонация как средство актуализации смысла.

К признакам **спонтанности** относятся:

- парцеллированность речи при нечетких границах предложения;
- ассоциативная, а не формальная связь синтаксически оформленных фрагментов текста;
- порядок слов как средство актуализации смысла;
- использование И.п. темы и инфинитива в абсолютном начале предложения.

К признакам **разговорности** относятся:

- высокая зависимость смысла от конситуации;
- конденсация содержания в минимуме вербальных знаков благодаря общности апперцепционной базы;
- минимальность синонимии и вариативности;
- автоматизированность речи, использование шаблонов и клише;
- высокая оценочность речи за счет использования оценочной и экспрессивной лексики;
- окказиональное ситуативное словообразование (в том числе с приращенными смыслами, выводимыми из ситуации речевого общения);
- использование в качестве номинаций местоимений, существительных в косвенном падеже с предлогами, конструкций со спрягаемыми формами глагола;
- использование форм «нового вокатива»;
- значительно более частое употребление полной формы прилагательного по сравнению с краткой формой;

□ использование глагольных форм в переносном употреблении (императив в значении индикатива или конъюнктива, настоящее время в значении прошедшего и т.д.);

□ морфологическая языковая игра: склоняемость несклоняемых существительных и аббревиатур, заполнение морфологических лакун (отсутствующих в КЛЯ форм) и др.;

□ нулевая предикация при передаче значений движения и речи;

□ бессоюзие сложного предложения.

Как мы видим, собственно «разговорные» признаки РР могут быть сведены к четырем основным параметрам:

1) конситуативность как основа смысловой и формальной компрессии (или, наоборот, компрессия как следствие конситуативности),

2) шаблонность речи как следствие превалирования смысла над формой,

3) использование маркированной разговорностью лексики (в первую очередь экспрессивной),

4) словообразовательная (в меньшей степени морфологическая) языковая игра, реализующая возможности системы, но нарушающая нормы КЛЯ.

Характерной чертой РР является **политематичность**, но возможны и монотематические тексты РР.

Жанровые формы РР определены в меньшей степени, чем в других функциональных стилях, но тяготеют или к **беседе** (диалог), или к **рассказу** (монолог), но всегда ориентированы на вербальную или невербальную реакцию адресата.

РР обладает значительной **формальной и смысловой компрессией** из-за общей апперцепционной базы адресанта и адресата и общей конситуативности речи. Эти же признаки порождают особенности разговорного синтаксиса.

Базой РР является нейтральный стиль в его устной и письменной форме. С точки зрения «стилистики ресурсов» **разговорные вкрапления** в нейтрал представляют собой следующее:

□ маркированная разговорностью (в том числе экспрессивно-оценочная) лексика,

□ номинативное и стилистическое окказиональное словообразования (с опорой на ситуацию),

□ окказиональное заполнение морфологическое лакун (номинативно обусловленное или игровое),

□ намеренное нарушение коммуникативно значимых уровневых норм (место ударения, склоняемость и др.), т.е. языковая игра.

Ориентированность на конкретные общие для адресанта и адресата фоновые знания позволяют включать в конкретные тексты РР любые **иностилевые вкрапления** (например, термины, социальные и профессиональные жаргоны), а также разного рода **прецедентные тексты**.

Письменные формы РР, по большей части ориентированные на нормы КЛЯ, демонстрируют **удлинение кода**, вызванное возможностями материального носителя текста, и, соответственно, возможность сокращения текста по сравнению с письменными текстами других функциональных стилей.

Границы текста РР часто трудноустановимы и далеко не всегда определяются исчерпанностью адресантом темы. Часто установление границ

письменного текста РР связано с внешними, экстралингвистическими параметрами речи.

Степень нормированности РР аналогична степени нормированности других функциональных стилей: это кодифицированная нормированность «стилистики ресурсов» и узувальная нормированность стилистики текста.